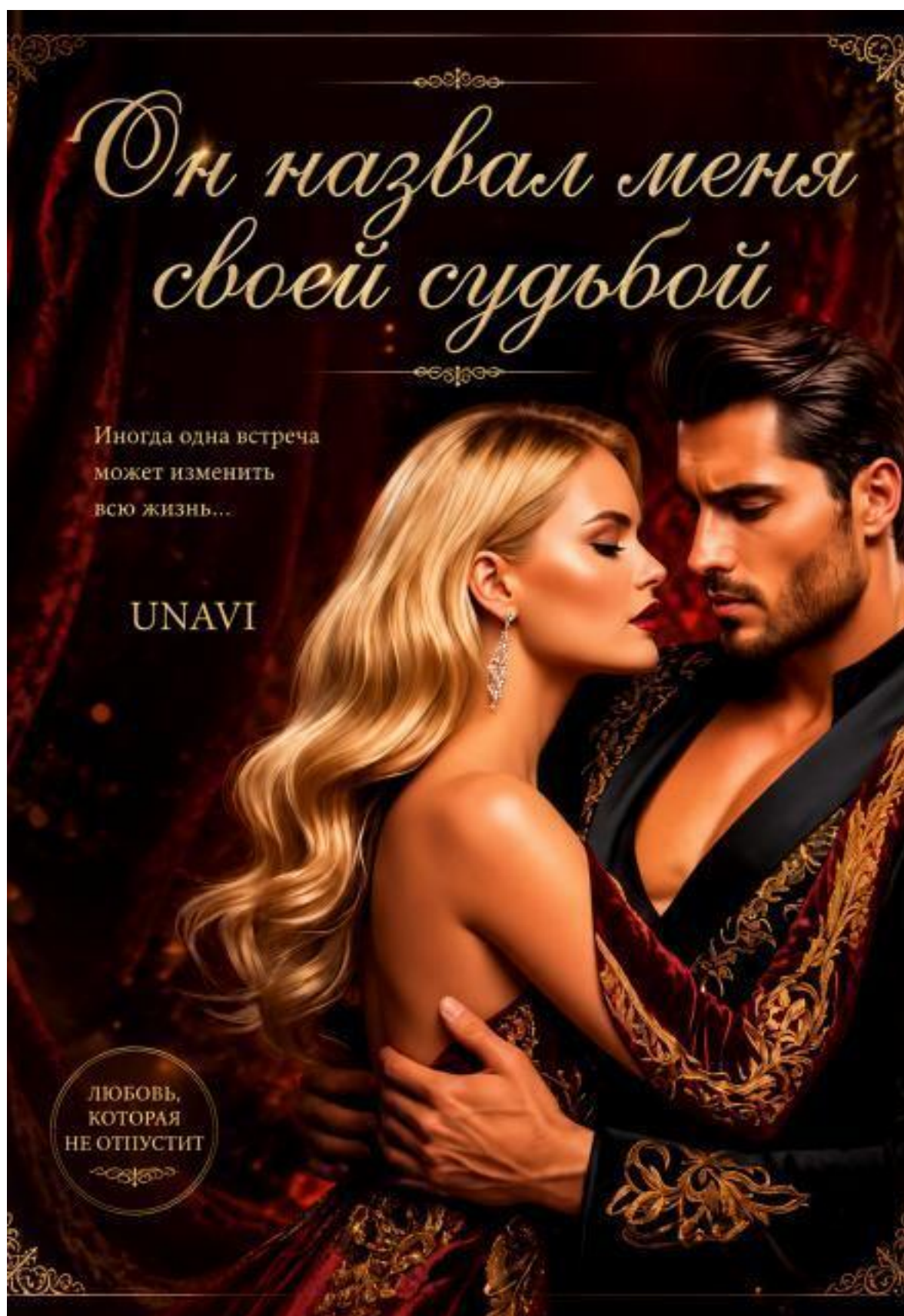

Он назвал меня своей судьбой

Иногда одна встреча
может изменить
всю жизнь...

UNAVI

ЛЮБОВЬ,
КОТОРАЯ
НЕ ОТПУСТИТ

UNAVI –

Он назвал меня своей судьбой

«Литнет»

2026

– U.

Он назвал меня своей судьбой / U. – — «Литнет», 2026

Что дороже — роскошь любви или цена свободы? Поездка в Стамбул на премьеру должна была стать для Валентины обычной командировкой. Вместо этого она стала началом опасной игры. Язир Аль-Маден — турецкий актёр, бог экрана и повелитель женских сердец. Его внимание похоже на сказку: он окутывает заботой, осыпает дорогими подарками и называет своей «судьбой». Но сказка быстро превращается в золотую клетку. Его любовь имеет жёсткие условия, его слово — закон, а каждая ошибка встречает ледяное презрение. Он — нарцисс, который хочет не партнёршу, а идеальное отражение своих желаний. Валентина влюблена. Но сможет ли она найти в себе силы разбить клетку, цена которой — её собственное «я»? Роковая страсть, токсичные отношения и путь к свободе в остросюжетном романе о любви, которая калечит.

© – U., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	10
Глава 4	13
Глава 5	17
Глава 6	20
Глава 7	23
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Глава 1

Премьера нового блокбастера в Стамбуле стала событием, на которое Вэл пробивалась полгода. Зал сиял, но когда на сцену вышел Язир, весь этот блеск померк перед его фигурой.

Он говорил на идеальном английском, сыпал остротами, ловил восхищенные взгляды, словно заряжая воздух статическим электричеством. Вэл, привыкшая к звездной спеси, давно не реагировала на эффектные появления. Но его внимательного взгляда она, признаться, совершенно не ждала.

В середине пресс-конференции, отвечая на вопрос о съемках, он обвел зал цепким взглядом и остановился на ней. Всего на мгновение, но за эту секунду она разглядела в его глазах пристальный, изучающий интерес, будто актер видел не просто женщину, а редкий, любопытный экземпляр. Вэл смущенно потупилась, чувствуя, как пылает лицо.

После окончания мероприятия ее нагнал личный ассистент Язира. «Господин Аль-Маден просил передать: он заметил, что вы слушали с особым вниманием, и будет рад обсудить роль в ленте лично, если у вас найдется пять минут. Он будет ждать в гримерке».

Это было вопиющим нарушением всех профессиональных правил. И все же ноги Валентины сами понесли ее за ассистентом.

Язир ждал девушку, прислонившись к стойке с изобильными угощениями. Вблизи он был еще ослепительнее.

— Вэл, — произнес он ее имя так, будто пробовал на вкус дорогой сорт вина. — Ты приехала из Москвы одна?

— Да, — кивнула она, удивленная, что он знает.

— Смелая, — оценил он, очаровательно улыбнувшись. — Мне нравятся смелые женщины. Они не разочаровывают.

Он говорил не о работе, а о ней. Его внимание окутывало, словно теплый бархатный плащ, брошенный на плечи прохладным вечером. Он расспрашивал о ее впечатлениях от города, о ее работе, внимательно ловя каждое слово. Валя чувствовала себя самой остроумной, самой интересной женщиной на свете. Он сказал, что ее русская простота — как глоток свежего воздуха после удушающей славы.

Через полчаса он мягко прервал ее речи.

— Прости, я должен вернуться к своим скучным обязанностям, — он вздохнул, как мученик. — Но мне было необыкновенно легко с тобой. Слово я нашел тихий уголок после бури.

Язир взял руку девушки и на прощание поднес ее к губам. Губы актера на коже Вэл были мягкими, а взгляд манящих глаз — глубоким и обещающим.

— Наша встреча не случайность, Валентина. Судьба не делает таких подарков просто так. Дай мне свой номер телефона, позволь мне показать тебе настоящий Стамбул. Тот, что скрыт от туристов.

Она, опьяненная вниманием, машинально продиктовала цифры.

Девушка вышла на прохладный ночной воздух Стамбула. Потянулась к сумочке и вдруг поняла, что забыла в гримерке папку с документами, в которой был и ее паспорт. Она вернулась. Дверь в обитель Язира была приоткрыта.

Актер стоял спиной, разговаривая по телефону. Его голос, еще минуту назад такой теплый, звучал холодно и устало.

— Evet, başka bir tane daha. Rus, Kadın... Hayır, sorun değil. Zulüm ve zulüm ustaları. Hala umutum var, sevinç içinde aşkım var.

Он выглядел совсем иначе, чем мгновением раньше. Слово наконец сбросил все маски, позволяя себе быть настоящим. Мужчина обернулся, поймал ее взгляд и спешно завершил разговор.

Валя застыла, сердце колотилось, словно она услышала что-то ужасное. Язир с прежней галантностью вернул девушке папку, затем она сама не заметила, как оказалась на улице, глядя на огни Босфора.

А потом в сумочке завибрировал телефон. Неизвестный номер. «Это Язир. Встретимся завтра в восемь? Я уже скучаю по той легкости, что ты приносишь мне».

Она смотрела на сообщение и не могла понять, почему оно так ее настораживает. Списав тревогу на усталость и множество впечатлений, девушка набрала ответ: «Хорошо. Жду».

Ведь даже яд, поданный в золотом кубке, кажется нектаром.

Глава 2

Сообщение «Хорошо. Жду» застыло в ожидании отправки. Валя, глядя на экран, чувствовала странное онемение. Столько противоречивых эмоций — ледяной ужас от подслушанного и пьянящая тяга ответить — слились в одно автоматическое движение пальцев.

На следующий вечер в номере девушки раздался звонок. Водитель, посланный Язиром, на идеальном русском сообщил, что ждёт у отеля. «Господин Аль-Маден просил передать, что маршрут требует удобной обуви».

В машине не было ни намёка на пафос, кроме безупречной чистоты и запаха кожи. Путь вёл не в ресторан, а на пристань, где качалась элегантная белая яхта.

Язир ждал на палубе в простых белых брюках и тёмно-синей рубашке с расстёгнутым воротом. Без свиты, без фотографов и папарацци. Он улыбнулся, в этой улыбке было столько тепла, что воспоминание о вчерашнем холодном тоне в разговоре на мгновение померкло, словно приснившийся девушке кошмар.

— Ты приехала, я так боялся, что передумаешь, — сказал красавец, протягивая руку, чтобы помочь девушке войти на борт. Пальцы Язира крепко сжали её ладонь.

— Почему я должна была передумать? — с наигранной лёгкостью спросила Вэл.

— Потому что умные девушки часто не доверяют сказкам, — многозначительно ответил актёр, не отпуская её руки. — А я хочу показать тебе настоящую сказку.

Мужчина был идеален во всём. Он водил Валу по узким улочкам района Балат, где дома цвета спелых фруктов спускались к воде, показывал крошечную кофейню, «куда не заходят туристы», и смеялся, когда она морщилась от крепости турецкого кофе. Он рассказывал истории о съёмках, подражал знаменитым коллегам, и Валя хохотала до слёз. Он ловил на ней восхищённые взгляды прохожих и шептал на ухо: «Они смотрят, потому что ты сияешь так ярко, что затмеваешь солнце». Его внимание было подобно наркотику — концентрированное, всепоглощающее.

Позже Валя и Язир поднялись на холм, откуда открывался вид на бухту Золотой Рог. Ветер нежно трепал её волосы.

— Красиво? — спросил красавец, стоя позади девушки и положив руки ей на плечи.

— Невероятно.

— Это только начало, Валентина. Я могу показать тебе мир с таких высот, о которых ты и не мечтала, — его голос стал звучать тише, убедительнее. — Ты не такая, как другие девушки, и я это вижу.

Валя замерла, чувствуя, как эти слова наполняют её теплом. Может, она всё неправильно поняла вчера? Может, это был разговор с неприятным человеком, поэтому Язир был резок?

Он повернул девушку к себе, и она увидела, как в его глазах пляшут блики заходящего солнца.

— Я не хочу терять это новое чувство. Не хочу терять тебя, — сказал он и поцеловал её.

Поцелуй вышел нежным, но властным, не оставляющим места для сомнений. Мир сузился до губительного тепла его губ.

На обратном пути в машине у Вали зазвонил телефон. Звонила мама, и Валя с радостью подняла трубку.

— Привет, мам! Представляешь, я в Стамбуле...

— Валя, детка, всё хорошо? Ты забыла перезвонить!

— перебила мать встревоженным голосом.

Язир, сидевший рядом, мягко, но настойчиво взял телефон из рук спутницы.

— Простите за беспокойство, — сказал он безупречно вежливым, но холодным тоном, который Валя невольно услышала вчера. — С Валентиной всё в порядке. Мы как раз обсуждаем важные рабочие моменты, она перезвонит вам вечером. Всего доброго.

Он положил трубку, не дав матери вымолвить ни слова. Вэл остолбенела.

— Что ты делаешь?!

— Я берегу твоё время и наше совместное пространство, — спокойно ответил Язир, возвращая ей телефон. Его лицо снова стало мягким. — Ты так прекрасна сегодня, здесь, со мной. Звонки, обязанности, этот шумный мир разрушают магию момента. Разве ты не чувствовала, как было здорово — быть наедине с городом и друг с другом? Я просто хотел продлить это чувство.

Он взял её руку и поцеловал в ладонь. Его объяснение звучало так логично, так заботливо.

— Ты прав, прости, — пробормотала она, чувствуя смущение и странный стыд за свою резкость.

Мама действительно иногда звонила не вовремя.

Он улыбнулся, погладил её по волосам.

— Ничего. Я просто так ценю каждое мгновение с тобой. Мне кажется, мы можем создать что-то особенное, если дадим друг другу шанс.

Машина остановилась возле её отеля. Язир не стал выходить.

— Завтра у меня тяжёлый день на съёмках, — сказал он, и в его голосе прозвучала театральная усталость. — Я буду измучен. Но мысль о том, что я могу увидеть тебя вечером, будет греть меня. Приходи ко мне после съёмок, я пришлю адрес.

— К тебе домой? — недоверчиво переспросила Валя.

— В мой настоящий дом, — поправил он. — Я редко кого-то туда пускаю. Ты будешь первой за долгое время.

Его взгляд был полон такой настоящей, казалось бы, уязвимости, что все тревоги девушки растаяли. Она кивнула.

Вернувшись в номер, она обнаружила на кровати большую коробку, обёрнутую в шелковистую бумагу. Внутри лежало платье. Невероятное, цвета тёмного сапфира, струящееся, очевидно, безумно дорогое.

К нему прилагалась короткая записка на тонком картоне: «Для моей особенной девочки. Хочу, чтобы ты чувствовала себя в Стамбуле как дома. Язир».

Валя примерила платье, которое сидело идеально, будто было сшито по её меркам. Она крутилась перед зеркалом, и её отражение казалось ей чужим — роскошным, желанным, достойным этого мужчины.

Следом пришло сообщение с адресом. И второе: «Завтра мой водитель заберёт тебя в семь. И, Вэл, о нашем вечере в моём доме — никому. Это будет наш с тобой маленький секрет. Мир так любит сплетни, что разрушают прекрасное. Давай сохраним эту магию только для нас. Хорошо?»

Валя медленно опустилась на кровать, сжимая в руках дорогую ткань. Его слова звучали как клятва. «Наш маленький секрет». Что-то внутри ёкнуло, но слабый тревожный сигнал потонул в гуле восхищения и лести. Он выбрал её из тысяч других. Он, Язир Аль-Маден, нашёл в ней что-то особенное.

Валя посмотрела на своё отражение в зеркале ванной и увидела девушку в шикарном платье с блестящими от счастья глазами.

— Ты сошла с ума, — тихо сказала она своему отражению, и оно, тронутое тенью сомнения, в ответ лишь поправило прядь волос.

Первый шаг в клетку всегда делаешь сам, убеждая себя, что это — порог в рай.

Глава 3

Ровно в семь вечера та же безупречная машина ждала Валу возле отеля. Дорога заняла больше часа, вот они миновали центр, поднялись в холмистые, утопающие в зелени предместья Стамбула и, наконец, остановились у массивных, но минималистичных ворот, которые бесшумно разъехались в стороны.

Дом, в который привёз Валу водитель, не был похож на шикарный особняк. Жилище представляло из себя длинную, приземистую бетонную конструкцию с панорамным остеклением, словно парящую над обрывом. Архитектурный шедевр, холодный и безупречный.

Язир встретил гостью в просторном холле, чей пол из полированного тёмного мрамора напоминал чёрный лёд, в котором отражались встроенные точечные светильники потолка. Мужчина был одет в мягкую домашнюю рубашку и брюки. Язир выглядел уставшим, но его улыбка, казалось, способна растопить часть холода его жилища. — Наконец-то ты здесь. Я так ждал тебя, — он взял её за руку и провёл внутрь, не давая времени оглядеться.

Интерьер ошеломил Валу своей аскетичностью.

Всё в нём было выдержано в оттенках бетона, дуба и чёрной стали. Каждая вещь — диван, скульптура, чаша на низком столике — выглядела как экспонат в музее современного искусства. Идеальная чистота и тишина, нарушаемая лишь отдалённым шумом моря внизу.

— Нравится? — спросил он, наблюдая за её реакцией.

— Это потрясающе. Но здесь так непривычно пусто.

— Пустота — это и есть роскошь, которую мало кто себе способен позволить, Вэл. Возможность заполнить пространство только самым важным, — он обвёл рукой комнату. — Здесь нет ничего случайного. Всё, что ты видишь, прошло строгий отбор. Как и люди, достойные быть в моём кругу.

Его слова были недвусмысленным комплиментом. Он провёл девушку по дому, и Валя чувствовала себя на экскурсии в приватной галерее. Библиотека с книгами, расставленными по цвету корешка. Зал для просмотра кино с экраном во всю стену. Всё безупречно и всё неприкасаемо.

Они вышли на главную террасу, и у Вали перехватило дыхание.

Бескрайний Босфор внизу, огни Азии на горизонте, небо, окрашенное в багровые и лиловые тона заката. Это был вид, за который можно отдать полжизни. — Вот он, мой настоящий мир, — тихо сказал Язир, подкрадываясь сзади и обнимая девушку за талию. — И теперь ты часть него.

Мужчина принёс вино. Они сидели, укрывшись одним пледом, и он говорил о кино, о его ярких ролях, о том, как актёр устал от показной жизни. «Только здесь я настоящий. И только с тобой», — говорил он, и она верила. Валя таяла, глядя на его профиль на фоне угасающего неба. Этот дом, этот вид, этот человек — всё сливалось в обещание недостижимой сказки, которая вдруг стала реальной.

Она решила сделать несколько снимков этого невероятного заката на камеру телефона. Девушка отступала назад, чтобы поймать лучший ракурс и не рассчитала движение локтя. Раздался хрустально-чистый, невероятно громкий для этой идиллии звук.

Валя резко обернулась.

На мраморном полу возле её ног лежали осколки высокой, полупрозрачной вазы, которая секунду назад ещё стояла на парапете. Внутри вазы был один-единственный, но невероятный цветок — чёрная орхидея, теперь бессмысленно распластавшаяся среди хрустальных осколков.

Наступила такая тишина, что, казалось, даже шум моря стих. Валя медленно подняла глаза на Язира и увидела то, от чего кровь застыла в жилах.

Лицо мужчины исказилось. Из него в мгновение исчезли все следы усталой нежности. Брови сошлись у переносицы, губы плотно сжались в белую нить, а в тёмных глазах вспыхнула чистая, неконтролируемая ярость. Он сделал шаг вперёд, его фигура вдруг показалась ей огромной, заполняющей всё пространство.

— Ты знаешь, что ты только что сделала?! — его голос, низкий и раскатистый, ударил девушку, как пощёчина. Он не кричал, а прошипел эти слова с такой яркой ненавистью, что Валя инстинктивно отпрянула, наступив на осколок. Боль в ступне смешалась с леденящим ужасом. Она не могла вымолвить ни слова.

Это длилось, может быть, три секунды, но их вполне хватило, чтобы сказка разбилась вдребезги, подобно этой вазе.

И так же внезапно, как появилась, маска ярости Язира спала. Черты лица мужчины не вернули себе мягкость — они обнулились, став гладкими и пустыми. Актёр тяжело вздохнул, провёл рукой по лицу, и когда убрал её, перед Валею был снова уставший, разочарованный мужчина. — Это была не просто ваза, — сказал он глухо, глядя куда-то мимо неё. — Её делал слепой мастер из Каппадокии, который умер в прошлом году. Это была его последняя работа и последняя память о нём.

Он говорил это расстроенным, усталым тоном, но каждый звук бил по Вале, словно молоток. Она чувствовала себя убогой, неуклюжей, разрушительной тварью, ворвавшейся в его идеальный мир. — Я... Я нечаянно, я не видела... Язир, пожалуйста, прости... — из неё вырывались бессвязные обрывки слов.

Язир наконец посмотрел на неё. В его взгляде не было прощения, одна лишь тяжесть. — Всё в порядке.

Просто... — он сделал паузу, давась словом, — ...ладно. Вечер окончен.

Он развернулся и ушёл в дом, оставив её одну среди осколков, под оглушающий вопль собственного стыда. Водитель отвёз девушку обратно уже через десять минут в полной тишине. Валя смотрела в тёмное окно и не могла остановить внутреннюю дрожь. Она разрушила всё своей неуклюжестью: этот вечер, его доверие. Мысль, что мужчина теперь презирает её, была невыносима.

В номере она бросилась на кровать, не в силах сдержать рыдания. Она была так виновата. Дура! Корова!

Через два часа от него пришло сообщение. «Не могу выбросить из головы твоё лицо, когда ты поняла, что натворила. Я запомнил твой детский ужас. Ты вывела меня из равновесия, как никто и никогда. Никто не смел касаться моих вещей. Никто. Но ты не все, ты особенная. И, кажется, я напугал тебя. Прости.»

Следом пришла вторая смс. Фотография чёрной бархатной шкатулки, в которой лежали серьги — сапфиры, точь-в-точь как цвет её платья, в обрамлении бриллиантов.

Сообщение: «Для моей неловкой, особенной девочки. Чтобы носила и помнила: даже разбивая что-то, ты заставляешь меня чувствовать восторг. Жду тебя завтра в восемь. Приходи и дай мне шанс всё исправить».

Валя смотрела на синие вспышки камней на экране. Стыд и ужас начали медленно отступать, сменяясь странным, согревающим чувством вины. Он назвал её особенной. Он, которого она так подвела, потратился на этот безумный подарок. Он просил прощения и хотел её видеть.

Она перечитала его первое сообщение. «Ты вывела меня из равновесия». Эти слова отозвались в ней не сожалением, а тайной гордостью. Да, она совершила ужасную ошибку. Но разве это не доказывало, что она способна задеть его, великого и недоступного? Значит, она действительно что-то для него значила.

Она подошла к зеркалу. Красные от слёз глаза, распухший нос. «Неуклюжая дура», — прошептала она отражению. Но потом вспомнила: особенная. Он сказал — особенная.

Её пальцы сами потянулись к телефону, чтобы ответить.

Страх ещё жил где-то глубоко внутри, но его уже заглушал мощный, пьянящий прилив. Он был зол на неё, а теперь дарит бриллианты. Это была самая интенсивная эмоциональная американская горка в её жизни. И ей отчаянно хотелось прокатиться на ней снова.

Она надела сапфировое платье, посмотрела на себя и ответила: «Хорошо. В восемь».

Нарцисс не прощает ошибок, он их покупает за самую дорогую валюту — надежду на искупление.

Глава 4

На следующий день слегка за восемь она стояла на том же мраморном полу, чувствуя себя преступницей, вернувшейся на место преступления. Следов инцидента не осталось — ни осколков, ни намёка на вазу.

— Ты спала? — спросил он мягко.

— Плохо, — честно призналась Валя.

— Я тоже, — он вздохнул и поцеловал её в лоб. — Я думал о тебе. О том, как несправедливо позволил вещи встать между нами. Сегодня всё будет иначе.

Он повёл её не на террасу, а в небольшую, более уютную комнату с камином. На низком столе уже были расставлены её любимые десерты (как он узнал?) и чай. Он усадил её, укутал в плед и сел напротив, держа её руки в своих.

— Вэл, после вчерашнего я понял кое-что важное, — начал он, его большие пальцы нежно гладили её костяшки. — Мой мир... он может быть жёстким. Полным правил. И иногда я забываюсь и начинаю требовать от других тех же перфекционистских стандартов, что и от себя. Это моя вина. Я напугал тебя. И чтобы такого больше не повторилось, мне нужна твоя помощь.

Сердце Валя дрогнуло от облегчения. Он признавал свою вину! Он просил помощи!

— Чем я могу помочь? — тихо спросила она.

Он улыбнулся, встал и принёс небольшую чёрную коробку, положил её ей на колени.

— Открой.

Внутри лежал новейший, ультратонкий смартфон цвета тёмной ночи. Ни царапинки, ни узора. Только холодный, совершенный объект.

— Это... зачем? У меня есть телефон.

— У тебя есть устройство, которое связывает тебя с миром, где тебя критикуют, отвлекают и ранят, — поправил он мягко, но твёрдо. — Где тебе могут прислать грубость или напомнить о прошлом. Я хочу подарить тебе новое начало. Чистое пространство для общения. Только с теми, кто тебя ценит. В первую очередь — со мной.

Он взял аппарат, включил его и показал список контактов. Там был один-единственный номер под именем «Мой Язир». И три приложения: мессенджер, карты и фото-галерея.

— Я уже перенёс наш чат и все твои снимки сюда. Твои старые контакты, соцсети — это всё в прошлом, Вэл. Ты начинаешь новую главу. А я хочу быть твоим проводником в ней. Твоей самой главной связью с миром. Это безопасно. Это... только для нас.

Его логика снова звучала безупречно: забота, создание безопасного пространства, новый старт. В её уставшей от чувства вины голове это не выглядело тюрьмой. Это выглядело как жест рыцаря, закрывающего за ней щит. Она кивнула, не в силах сопротивляться.

— Спасибо, — прошептала она. — Это очень... заботливо.

Вечер прошёл в спокойных разговорах. Он был внимателен, шутил, но Валя ловила себя на том, что каждое её движение теперь осознанно — она боялась снова что-то задеть, нарушить хрупкий мир.

На следующий день он пригласил её на закрытый показ модного турецкого дизайнера — «чтобы показать тебя миру, но только избранному его кругу». Валя надела его сапфировое платье и новые серьги, чувствуя себя принцессой.

На входе в лофт их сразу окружила толпа. Фотографы, светская тусовка. Изир держал её за руку, представлял как «моего очень близкого друга из России, Валентину». Всё было идеально, пока к ним не подошла высокая, ослепительно красивая девушка в платье, которое, казалось, было соткано из золотых нитей. Её взгляд, полный холодного любопытства, скользнул по Вале, будто оценивая дешёвую подделку.

— Язир, дорогой! — её голос звучал как колокольчик. — Мы по тебе соскучились. Кто твоя новая... муза?

В её паузе перед словом «муза» прозвучала тонкая, но ядовитая насмешка.

— Джери, это Валентина, — ответил он, и его пальцы слегка сжали Валю за локоть, как бы предупреждая не говорить лишнего.

— А, русская! — Джери улыбнулась, но её глаза оставались ледяными. — Как мило. Надолго ли на этот раз, или, как прошлая, сбежит через месяц, не выдержав твоего... характера?

Воздух вокруг Валя загустел. Она почувствовала, как её щёки пылают. Она ждала, что Язир резко оборвёт эту наглую девушку, защитит её.

Но он лишь тихо рассмеялся — тот самый циничный, короткий смех, который Валя слышала в примерке в самую первую встречу.

— Джери, перестань. Валя не из робкого десятка, — сказал он, и его тон был скорее снисходительно-развлекающимся, чем защищающим. — Она уже успела разбить мою вазу из Каппадокии. Думаю, это о чём-то говорит.

Джери засмеялась уже открыто, в её смехе звучало торжество.

— О, да! Это уже серьёзно. Значит, у неё есть право на ошибку. Поздравляю, дорогая, — она кивнула Вале, как ребёнку, и растворилась в толпе.

Валя стояла, словно парализованная. Его слова, произнесённые как безобидная шутка, пригвоздили её к позорному столбу. Он выставил её неуклюжей разрушительницей на потеху этой... этой стерве. Унижение жгло её изнутри.

Он потянул её за собой к фуршетному столу.

— Не обращай внимания, — сказал он небрежно, наливая себе минеральной воды. — Джери — дочь моего продюсера. Она всех так проверяет. Ты должна учиться не реагировать на таких людей, если хочешь быть в этом кругу. Это часть игры.

— Почему ты не остановил её? — вырвалось у Вали дрожащим шёпотом. — Почему ты рассказал про вазу?

Язир повернулся к ней. В его глазах не было раскаяния. Был холодный, оценивающий интерес.

— Потому что правду не стоит скрывать. Ты её разбила. И что? Ты хочешь, чтобы я врал ради тебя? Или чтобы я вступал в женские склоки? Ты сильнее этого, Вэл. Или я ошибся в тебе?

Его вопрос повис в воздухе ультиматумом. «Или я ошибся в тебе?» Эти слова ударили сильнее, чем насмешки Джери. Он ставил под сомнение её силу, её право быть рядом с ним. И делал это так, словно это был её экзамен, который она только что провалила.

Она проглотила слёзы и опустила глаза.

— Нет... не ошибся.

— Вот и хорошо, — он снова взял её под локоть, и его прикосновение уже не казалось защитой. Оно было — владением. — Забудь. Дальше будет лучше.

Но дальше было только хуже. Всю оставшуюся вечеринку она ловила на себе любопытные, колющие взгляды. Шёпот за спиной. Она чувствовала себя экспонатом под табличкой «Новая ошибка Язира». А он будто не замечал её страданий, спокойно общаясь с другими, изредка бросая ей одобрительный взгляд, когда она молчала и улыбалась.

В машине по дороге назад царила тишина. Он смотрел в планшет, она — в тёмное окно, чувствуя, как её самооценка, и без того покорёженная, рассыпается в прах.

Подъехав к её отелю, он наконец оторвался от экрана.

— Завтра у меня важные переговоры. Я буду занят весь день. Ты отдохни, — сказал он, не глядя на неё. Потом, будто в виде милости, добавил: — Вечером я позвоню тебе. На новый телефон.

Он не поцеловал её на прощание. Просто кивнул.

В номере Валя бросила вечернюю сумочку и вцепилась в подаренный телефон. Её старый аппарат лежал мёртвым грузом в ящике. Ей отчаянно хотелось позвонить маме, подруге, хоть кому-то, чтобы услышать голос, не отягощённый его оценкой. Но она даже не помнила наизусть их номера. Все они остались в той, старой, «грязной» цифровой жизни.

Она была в полной, беспросветной изоляции.

Она включила новый телефон. Чат с ним светился сверху списка. Последнее сообщение от неё: «Хорошо. В восемь». И всё.

Она села на пол, обхватив колени. Унижение от сцены с Джери жгло свежей раной. Но странным образом, её мысли путались. Может, он и прав? Может, она действительно должна быть сильнее? Может, это и есть цена входа в его мир — научиться не чувствовать боли от таких людей? Он же не просил ничего невозможного. Только — быть сильной. Достойной его.

Внезапно телефон в её руке вибрировал. Сообщение.

«Я всё ещё чувствую вкус твоего стыда с того вечера. Он был... сладким. Потому что он был искренним. Никто до тебя не боялся меня потерять настолько, чтобы так смотреть. Ты учишь меня новым чувствам, Валя. Спи. Завтра мы поговорим. И подумай... Может, тебе стоит перестать жить в отеле? Моя тихая гавань должна быть ближе.»

Она перечитала сообщение раз, другой, третий. «Ты учишь меня новым чувствам». «Моя тихая гавань». Унижение от вечера начало странным образом превращаться в proof, в доказательство. Да, это было больно. Но разве эта боль не подтверждала интенсивность их связи? Разве он не был с ней честен, даже когда это было жестоко? И теперь... он предлагал ей переехать к нему. Сделать следующий шаг.

Она медленно поднялась и подошла к зеркалу в ванной. Перед ней стояла девушка в разбитом сапфировом платье, с выцветшей от слёз тушью и новыми, невероятно дорогими серьгами в ушах. В её глазах была смесь опустошения и странной, новой решимости.

Она достала из шкафа помаду и провела по губам ярко-алую черту. Это был жест, не имевший адресата. Жест для себя самой. Потом она подняла новый, чёрный телефон и сделала

селфи. На фоне роскошного, но пустынного номера. С серьгами. С алой помадой. С глазами, в которых ещё блестели слёзы, но уже проглядывала сталь.

Она отправила фото ему. Без текста.

Через минуту пришёл ответ. Всего один символ.

♥#

Именно так и опускается дно золотой клетки: не со скрежетом, а с тихим щелчком замка на новом телефоне. И с алым цветком помады на губах, которым жертва сама подписывает себе приговор.

Глава 5

Переезд занял двадцать минут, у Вали не было чемоданов — только дорожная сумка с парой джинсов, футболками и косметикой. Всё остальное, как сказал Язир, «не соответствовало уровню её новой жизни, и мы это заменим». Машина увезла блондинку из отеля навсегда.

Её новой обителью оказался не главный дом, а гостевое крыло — отдельная мини-квартирка с собственной маленькой террасой, встроенной в скалу ниже основной виллы. «Чтобы у нас было и личное пространство, и ты могла привыкать к новой жизни постепенно», — объяснил Язир. То самое пространство было выдержано в той же безупречной, безликой эстетике: бетон, дуб, чёрная сталь. Ни одной личной вещи, кроме уже висевших в гардеробе десятка плащей, блузок и костюмов — всё её размера, всё от неизвестных ей, но явно люксовых брендов. Валя обратила внимание на отсутствие ярких цветов, были только бежевый, чёрный, тёмно-синий, бордовый.

— Тебе нравится? — спросил актёр, обнимая девушку сзади, пока она осматривала спальню с видом на море.

— Очень красиво, но как будто немного... бездушно, — рискнула она высказать своё мнение.

— Бездушно — это когда вещей больше, чем смысла, — философски ответил он, влажно целуя возлюбленную в шею. — А здесь каждый предмет служит цели, и ты научишься это ценить, как научилась ценить меня.

Первые дни были похожи на приятный роскошный ретрит под домашним арестом. Язир был занят съёмками, и Валя оставалась одна. Ей было запрещено спускаться в главный дом без его приглашения («Там работает персонал, и я ценю приватность»). Единственная связь с миром — тот самый телефон, что он подарил ей. Девушка бродила по своему «крылу», смотрела бесконечные сериалы на огромном телевизоре, училась пользоваться кофемашиной за десять тысяч евро и тонула в тишине, нарушаемой лишь криками чаек поутру.

Её старый телефон лежал выключенным в ящике роскошного туалетного столика. Валя захотела связаться с близкими, но открыла ящик и обнаружила внутри только пустоту.

Позвонить им с нового телефона было невозможно — она не помнила номеров наизусть. Изоляция стала материальной, осязаемой.

Язир звонил каждый вечер, его звонки были единственными яркими пятнами в её монотонных днях. Он расспрашивал, чем она занималась, что ела. И однажды, когда она упомянула, что попробовала приготовить пасту по видео из интернета, его голос резко изменился.

— Пасту? Зачем? У нас есть повар. Ты что, не нашла что поесть? — в его тоне было непонимание, граничащее с брезгливостью.

— Я просто хотела... заняться хоть чем-то, — растерянно сказала девушка.

— Милая, твоё дело — сиять для меня, а не пачкать руки на кухне. Забудь эту глупую привычку. Окей?

Язир сказал это мягко, но слово «окей» в конце прозвучало как приказ. Валя почувствовала, будто её отчитали за детскую шалость. «Окей», — покорно ответила она.

Через несколько дней актёр пришёл к ней неожиданно рано, с огромной белой коробкой в руках.

— Надень это, сегодня мы идём на ужин, — сказал он, мимоходом целуя её в щёку. В коробке обнаружилось вечернее платье сложного фасона, как надеть которое девушка даже не сразу поняла. Вечером он помогал ей собираться, пальцы мужчины ловко справлялись с

застёжками, а она ловила его отражение в зеркале — сосредоточенное, обладающее, как будто он одевал дорогую куклу.

— И надень те серьги, что я дарил. Больше ничего, ты не умеешь сочетать украшения, — добавил он, ловко перехватывая руку Вали, потянувшуюся к браслету.

В ресторане Язир был обаятелен как всегда. В середине ужина его телефон завибрировал, мужчина взглянул на экран, и его лицо вмиг помрачнело. Он отложил вилку, извинился и вышел. Вернулся через десять минут, его настроение было безнадежно испорчено. Он сидел, отстранённо ковыряя еду, и на прямой вопрос: «Всё хорошо?» отрезал: «Рабочие моменты. Не твоя забота».

Он молчал всю дорогу домой, но в гостевом крыле наконец взорвался.

Повод был ничтожным: она поставила его стакан с водой не на ту подставку.

— Боже, Вэл, сколько можно? — он с силой поставил стакан «куда положено». — Здесь у каждой детали есть место. Неужели так сложно уважать пространство, в котором живёшь? Или тебе просто всё равно на меня?

Она замерла, сжимая в руках сумку. Мужчина выдал не ярость, а холодное, уничижительное раздражение, как будто она — неуклюжий ребёнок, который снова и снова досаждал ему своей неполноценностью.

— Извини, — прошептала она. — Я просто...

— «Просто»! — он перебил её. — Ты совсем не думаешь. Ты живёшь в моём мире, но ведёшь себя так, будто это твой старый замусоленный хостел!

Эти слова ударили прямо по её тайному страху — что она недостаточно хороша, недостаточно чиста, недостаточно умна для всего этого. Слезы брызнули из глаз девушки, и она отвернулась.

Язир резко изменился. Вздыхнул, подошёл, обнял её сзади, нежно прижал к своей груди.

— Прости... прости меня, солнышко, — зашептал он, целуя её в волосы.

— Я ужасен. Этот звонок... Мои агенты сорвали мне все сроки. Я сорвал злость на тебе, это непростительно. Ты ни в чём не виновата.

Он говорил это так искренне, так жалобно, что её обида начала таять, замещаясь жалостью к нему. Он страдал, а она, такая неловкая, ещё добавила ему сверху проблем.

— Ничего, — выдохнула она, оборачиваясь и прижимаясь к нему. — Всё хорошо.

Он взял её лицо в руки, смотря в глаза.

— Ты видишь, что ты со мной делаешь? — сказал он с горькой улыбкой. — Ты делаешь меня уязвимым. Я никогда не кричал ни на кого из-за такой ерунды. Никогда не извинялся так искренне. Ты меняешь меня. И это одновременно и прекрасно, и ужасно страшно. Я боюсь твоей власти над собой.

Его слова были ядом, замаскированным под наивысший комплимент. Он не просто извинился, этим шагом он возвёл её в ранг той, что может менять и ранить его. Это давало ей ощущение невероятной, опасной силы. И тут же накладывало колоссальную ответственность — быть осторожной с этим хрупким великаном.

— Я не хочу тебя ранить, — честно сказала она.

— Знаю, — он улыбнулся, и в его глазах стояли слёзы? Ей показалось, что да. — Поэтому давай договоримся. Ты будешь стараться вникать в правила моего мира. А я буду стараться быть терпимее. Мы ведь команда, да?

Она кивнула, чувствуя прилив горячей, почти материнской нежности. Он был таким сильным, но таким ранимым одновременно. И он просил её о помощи.

На следующее утро она проснулась одна. На подносе для завтрака рядом с кофе лежал небольшой футляр. Внутри — изящная золотая цепочка на лодыжку. К ней была прикреплена крошечная подвеска в виде сердца с замочком. Записка: «Чтобы напоминала тебе о нашей договорённости. И о том, что твоё место теперь здесь. С любовью, твой Язир».

Она надела её, и холод металла быстро сменился теплом кожи. Цепочка была красивой, изящно невесомой. Когда Валентина шла, то с каждым шагом чувствовала её лёгкий, но постоянный вес. Напоминание.

В тот же день, убираясь в гардеробе, она нашла в глубине одной из полок закатившуюся чужую серебряную серьгу. Простую, недорогую, совсем не ту, что стал бы носить кто-то из его круга. Она вспомнила слова Джери: «...или, как прошлая, продержится месяц».

Вэл взяла серьгу, вышла на террасу и долго рассматривала находку на своей ладони. Девушка посмотрела на море, следом на золотую цепочку вокруг своей лодыжки.

И тихо, очень тихо, чтобы не услышал никто, даже чайки, прошептала:

«Но я же... не такая. Я — особенная. Правда?»

Она ждала ответа, ответил только ветер. Тогда она размахнулась и швырнула серебряную серьгу в сторону обрыва. Та сверкнула на солнце разок и исчезла в зелени склона.

Валя вернулась внутрь, села на идеально застеленную кровать в своей идеальной комнате, взяла новый телефон. В чате с ним написала: «Цепочка — невероятная, я её уже люблю. Спасибо, что ты есть у меня. Когда вернёшься?»

Она отправила сообщение и положила телефон рядом.

Потом подтянула колени к груди, обхватила их руками и стала ждать ответа. Свет за окном медленно менялся. Тень от холма поползла по её террасе, накрывая её золотую клетку прохладой приближающегося вечера. Она сидела неподвижно, слушая тихий, почти неслышимый звон своей новой цепи.

Перелом начинается, когда ты начинаешь бояться не тюремщика, а того, что он однажды уйдёт и оставит тебя наедине со свободой, которая теперь кажется пугающей, бесплотной и ненужной.

Глава 6

Язир вернулся поздно, когда Валя уже дремала, укутанная в кристально белый кашемировый плед. Свет из коридора выделил его силуэт в дверном проёме. Он смотрел на неё несколько секунд, не произнося ни слова. Потом включил торшер, и комната залилась мягким, интимным светом.

— Просыпайся, — сказал он, в его голосе не было вопроса, было указание.

Язир подошёл к кровати, сел на край и провёл пальцами по щеке сонной девушки. Его прикосновение стало уже привычным, властным.

— Я так устал. Весь день думал о том, как ты лежишь здесь, в моей постели, — слова вроде и звучали романтично, но интонация была совершенно плоской. Он говорил это, глядя куда-то мимо девушки, будто зачитывал со скукой текст из плохой пьесы.

Он наклонился и поцеловал её. Поцелуй был глубоким, требовательным, но без толики тепла. Словно это лишь действие, которое нужно было совершить. Так переключают передачу в машине. Его руки привычно скользнули под её хлопковую ночнушку (купленную им же, разумеется). Она инстинктивно приподнялась, чтобы помочь ему снять одежду, но он уже стянул ткань одним резким движением, даже не позволяя ей сесть.

Ладони мужчины скользили по её коже, но взгляд оставался расфокусированным. Он целовал её шею, плечи, и она ждала того самого чувства — растворения, страсти, которое было вначале. Но его дыхание у её уха было ровным, спокойным, словно он просто делал свою работу.

— Ты такая мягкая, — прошептал он, но это прозвучало как констатация факта о качестве материала. — Идеальная.

Потом он отстранился, встал и начал не спеша раздеваться сам, глядя на неё. Взгляд мужчины был оценивающим, изучающим. Он смотрел на её тело, лежащее на его простынях, как коллекционер на редкую вещь, которую только что приобрёл и теперь проверяет её при свете лампы на наличие изъянов.

— Перевернись, — мягко скомандовал он.

Она послушно перевернулась на живот. Он сел рядом, его пальцы начали медленно водить по её спине, вдоль позвоночника, постепенно опускаясь ниже.

— У тебя красивая линия спины. Очень фотогеничная, — сказал он задумчиво. — Надо будет это использовать.

Валя напряглась. «Использовать». В этом слове звучала не нежность или восхищение, а один лишь расчёт.

Он не стал больше ждать, ласки стали целеустремлённые, быстрее. В них не было игры, не было попытки возбудить её, узнать, что ей нравится. Это был односторонний процесс, где он был активной, действующей стороной, а она — пассивным материалом. Он касался её именно так, как хотел, где хотел. Иногда это было приятно, но чаще — резко, неожиданно, без предупреждения. Она вздрагивала, и он это замечал, но не останавливался. Он интерпретировал её реакцию по-своему.

— Нравится, когда трогаю тебя здесь? — произнёс он с лёгкой усмешкой, когда она вздрогнула от его прикосновения в неожиданном месте. — Хорошо.

Когда он вошёл в неё, она закусила губу. Было чертовски больно. Не столько от грубости, сколько от сухости, от неготовности её тела, которое он даже не попытался возбудить. Он это почувствовал, остановился на секунду, раздражённо вздохнул.

— Расслабься, всё хорошо.

Он начал ровно, методично двигаться с сосредоточенным выражением лица. Глаза мужчины оставались закрытыми. Он полностью погрузился в собственные ощущения. Его дыхание участилось, на лбу выступила испарина. Он ловил своё удовольствие, своё наслаждение. Она была лишь инструментом, обстоятельством, необходимой частью процесса.

Валя лежала, уткнувшись лицом в простынь. Боль постепенно притупилась, сменившись леденящим ощущением отделённости. Она наблюдала за ним со стороны. Видела, как он наслаждается. Видела его красоту в этот момент. И чувствовала себя пустой, как выдолбленная изнутри тыква. Никакого слияния, никакого единства, на которое она надеялась. Только использование.

В какой-то момент он всё же открыл глаза. Но смотрел мужчина не на неё. Взгляд упал на огромное зеркало в полный рост в углу комнаты. Язир стал наблюдать за их отражением. За тем, как его тело движется, как выглядит он в этот момент. Его движения стали чуть театральнее, чуть выразительнее, он старался для зеркала. Мужчина занимался любовью с собственным отражением, а партнёрша была лишь фоном, сценой.

Это осознание ударило девушку с такой силой, что в глазах потемнело. Она отвернулась к стене, чтобы не видеть этого. Слёзы, горячие и горькие, выступили и поползли вниз, впитываясь в подушку. Она зажмурилась, стараясь дышать ровно, чтобы он не заметил перемены.

Его ритм ускорился, пальцы впились в её бёдра, оставляя отметины. Наконец он издал низкий, сдавленный стон — звук чистейшего, сконцентрированного на себе удовлетворения. Потом резко замер, всем телом содрогнувшись в финальном спазме. В комнате наступила тишина, нарушаемая только его тяжёлым дыханием.

Он пролежал на ней ещё минуту, совершенно расслабленный, будто она была матрасом. Потом так же резко, как и начал, поднялся и ушёл в душ, не сказав ни слова.

Валя лежала неподвижно. Тело ныло, между бёдер горело огнём. Но физическая боль была ничто по сравнению с душевной опустошённостью. Она чувствовала себя осквернённой не в физическом, а в экзистенциальном смысле. Её использовали как вещь и даже не как дорогую, любимую вещь, а как удобный, подручный предмет.

Язир вернулся из душа, влажный, пахнущий дорогим гелем и теперь был спокоен, умиротворён. Мужчина лёг рядом, повернулся к девушке и наконец заглянул ей в лицо. Увидев следы слёз, его брови удивлённо поползли вверх.

— Что случилось? — спросил он искренне недоуменно. — Тебе было больно?

В его тоне не было раскаяния. Было мерзкое напускное любопытство, как если бы дорогой механизм вдруг дал сбой.

— Нет... всё нормально, — прошептала она, заставляя себя улыбнуться. Она не хотела объясняться, опасаясь, что он не поймёт.

— Тогда почему ты плачешь? — он прикоснулся к мокрой полоске на её щеке. — А, ты просто очень чувствительная, эмоциональная. Это так мило.

Он поцеловал её в лоб, потянулся и выключил свет.

— Спи. Ты заслужила отдых, — сказал он и уже через пару минут его дыхание стало ровным и глубоким.

Он заснул с лёгкостью человека, который полностью удовлетворён и доволен собой. Валя лежала в темноте, широко открытыми глазами глядя в потолок. Тело было разбитым, душа — выжженной. В голове, наконец, с кристальной ясностью, оформилась мысль, которую девушка долго отгоняла: «Со мной что-то не так.»

Не с ним, а именно с ней. Потому что если бы с ней было всё в порядке, если бы она была достаточно красива, умна, сексуальна, умела бы любить правильно — он бы смотрел на неё в момент наслаждения. Он бы чувствовал её, он бы хотел её удовольствия. Он бы любил её.

А раз этого не произошло — значит, проблема в ней. Она дефектная, недостаточно хороша для своего идеального мужчины.

Валя тихо повернулась на бок, спиной к его спящей фигуре, и втянула голову в плечи, как улитка. Девушке захотелось исчезнуть. Стать ещё меньше, ещё незначительнее, чтобы в следующий раз, когда он захочет её использовать, он вообще не заметил её присутствия как человека. Может, тогда будет не так больно. За окном, над тёмным Босфором, взошла луна и холодный свет упал на золотую цепочку обёрнутую вокруг лодыжки. Замочек сверкнул тусклым, зловещим блеском.

Она протянула руку и нащупала на прикроватной тумбочке свой безликий телефон, включила его. Свет экрана ослепил в темноте, но внутри было пусто, ни сообщений в чате, ни уведомлений в почте. Валя открыла галерею. Внутри были только те фото, что он одобрил для переноса: её снимки на террасе, вид на закат, селфи в его подарках. Ни одного старого, деревенского фото с подругами, ни одного нелепого семейного праздника. Прежняя жизнь была стёрта. И теперь, после того, что произошло, она начала стирать себя вместе с ней. Потому что боль от того, чтобы быть собой — недостойной, неправильной, неспособной дать ему настоящую близость, — стала невыносимой.

Иногда самое страшное насилие — не в том, чтобы взять силой. А в том, чтобы дать человеку понять, что его добровольная отдача не имеет никакой ценности. Что его дар — это всего лишь потреблённый ресурс. И тогда жертва начинает уничтожать себя сама, пытаясь стать тем идеальным, безликим ресурсом, который наконец-то перестанет разочаровывать своего хозяина.

Глава 7

Озарение «со мной что-то не так» стало новым тихим спутником Вали. Она носила его в себе, как ноют до конца не зажившие синяки на бёдрах, — постоянно, фоновое. Язир был то ласков и внимателен, то холодно-рассеян. Его непредсказуемость держала девушку в постоянном тонусе, в состоянии тревожного ожидания: какой он сегодня? Что может его спровоцировать? Она училась считывать его настроение по малейшим признакам: тембру голоса, скорости шагов, тому, как он ставит стакан на стол.

Однажды утром, пока он был на съёмках, а горничная убиралась в главном доме, у Вали случилась паническая атака. Тишина стала давить, стены — сходиться. Ей отчаянно нужно было услышать голос мамы. Не для жалоб, нет. Просто чтобы убедиться, что тот мир — мир, где её любили просто за то, что она есть, — ещё существует.

Её старый телефон был недоступен, а новый — пуст. Но в её голове всплыла отчаянная идея. Неделью назад Язир водил её в бутик, где молодая русскоговорящая продавщица, Айше, помогала ей подбирать бельё.

Они обменялись парой фраз, и Валя, движимая смутным инстинктом, тогда спросила: «А у вас здесь есть Wi-Fi для клиентов?»

Теперь она надела самые большие солнцезащитные очки, накинула платок и, будто отправляясь на прогулку, спустилась к воротам. Охранник, как всегда, учтиво кивнул. «Ненадолго, прогуляюсь до бутика, посмотрю новую коллекцию», — сказала она, стараясь, чтобы голос не дрожал. Её пропустили, и первый круг клетки расширился на пятьсот метров.

В бутике Айше узнала девушку и приветливо заулыбалась. Пока та приносила кофе, Валя, сердце которой колотилось так, будто она совершала ограбление, быстро нашла на своём телефоне сеть «Boutique_Vision» и ввела простейший пароль, который ей ляпнула Айше: «guest123». Связь!

Она не могла зайти в свои старые аккаунты, так как давно забыла пароли. Но она могла создать новый аккаунт в мессенджере. Случайное имя, без фото. И всего один контакт, чей номер она помнила наизусть, — номер матери.

Дрожащими пальцами Валя написала: «Мама, это я.

Вэл. У меня новый номер, всё в порядке. Не волнуйся».

Ответ пришёл почти мгновенно. «Доченька!!! Господи, где ты?! Мы с ума сходим! Ты жива?»

Слёзы брызнули из глаз Вали. Она отвернулась к стойке с сумками, делая вид, что разглядывает их. «Жива-жива. Всё хорошо. Прости, что не звонила. Я... задержусь в Стамбуле. Надолго».

Три точки набора сообщения пульсировали мучительно долго. «Что значит «надолго»? С кем ты? Что происходит? Позвони мне, я хочу услышать твой голос. Сейчас же».

Паника сжала горло. Звонок? Она не может. Её голос выдаст всё — напряжение, усталость, слом. «Не могу говорить, всё сложно. Но я счастлива. Правда».

На этот раз ответ прилетел пулей. «Валь, милая, слушай меня очень внимательно. Я твоя мать, я слышу тебя даже через текст. Ты в беде. Что бы ни случилось, какие бы «сложные» обстоятельства ни были, помни, они решаемы. Садись на первый же самолёт и прилетай домой, поняла? Мы всё решим вместе».

Слова «домой» и «вместе» обожгли девушку, как раскалённое железо.

От них пахло таким теплом, такой безопасной, безусловной любовью, что всё её существо потянулось к этому свету. Но в ту же секунду в голове возникла фраза: «Они тянут тебя назад, в твоё серое, обычное прошлое. Они никогда не достигнут нашего уровня». И разочарованное лицо Язира, если он узнает об этом предательстве.

Злость вспыхнула в ней внезапно, яростно не на Язира, а на мать. За то, что она лезет, за то, что не понимает, за то, что своими словами «ты в беде» вытаскивает на свет божий тот самый гнилой страх, который Валя изо всех сил пыталась затолкать поглубже. «Ты ничего не понимаешь! — пальцы яростно били по экрану. — У меня здесь настоящая жизнь! Я любима! Мой избранник — известный актёр, у нас прекрасные отношения. Я живу в роскошном доме. Ты просто завидуешь!»

Она отправила сообщение и тут же ужаснулась. Но отозвать его обратно было нельзя.

«Валентина. Если твоя жизнь так прекрасна, почему ты пишешь мне с левого аккаунта, как преступник? Почему не можешь позвонить?»

«Почему твои слова звучат истерикой, а не счастьем? Посмотри на себя. Только честно».

Это было невыносимо. Это была та самая правда, от которой Валя пряталась за дорогими платьями, видом на Босфор и мыслью, что она «особенная». Мать видела её насквозь, от этого становилось нестерпимо стыдно и больно.

«Хватит! — почти физически ощущая, как рвётся последняя нить, написала Валя. — Хватит меня контролировать и читать морали! Я взрослая! Я сама решаю, что для меня хорошо! Он даёт мне больше, чем вы все за всю жизнь! Он выбрал МЕНЯ! Меня, а не любую другую!»

Она писала это, и слёзы лились на экран, заливая его мокрыми пятнами. Она писала, чтобы убедить не мать, а себя. Каждое восклицание было гвоздём, которым она пыталась прибить к земле свою шатающуюся веру в эту сказку.

Пауза была слишком долгой. Потом пришло последнее короткое сообщение. «Хорошо, я тебя слышала. Просто помни: дверь нашего дома всегда открыта для тебя. Даже когда ты так кричишь. Особенно — когда кричишь».

Потому что кричат только тому, кто ещё надеется достучаться. Береги себя, доченька. Хотя ты и не веришь сейчас — я всегда на твоей стороне».

Это всепрощающая, неумолимая доброта разрушала все её хлипкие оправдания в прах. Валя не выдержала, пальцы, дрожащие от ярости и отчаяния, нашли в настройках профиля пункт «Заблокировать контакт». Она нажала, подтвердила. Аккаунт опустел, диалог исчез. Она только что добровольно отрезала последний мост к своему спасению.

Валя стояла, прижавшись лбом к холодному стеклу витрины, за которым были разложены сумки ценой в её годовую зарплату. Она пыталась дышать, внутри бушевала буря из стыда, злости, безумного страха и... облегчения. Да, облегчения. Теперь никто не будет доставать её этой правдой. Теперь она может спокойно продолжать врать себе дальше.

Айше осторожно приблизилась. — С вами всё хорошо, мисс Валентина? Вы плачете? Валя резко выпрямилась, смахнула слёзы. — Всё отлично. Аллергия на цветы. Спасибо за кофе.

Девушка вышла из бутика, выключила телефон и сунула его на дно сумки. Обратно к вилле она шла, высоко подняв голову. Она повторяла про себя, как мантру: «Я взрослая. Я сама сделала выбор. Я — особенная. Он меня любит. Просто он так любит. У меня прекрасная жизнь».

Чем больше она это повторяла, тем пустее становилось внутри. Слова звенели, как фальшивая монета, падая в бездонный колодец её души, не вызывая ни отзвука, ни эха.

Достигнув своей комнаты, она подошла к зеркалу, посмотрела на отражение: красивое, ухоженное, одетое в дорогие ткани тело и лицо с пустыми глазами. Она накрасила губы. Улыбнулась, и отражение улыбнулось в ответ безупречной, фотогеничной улыбкой.

— Всё хорошо, — сказала она вслух своему отражению, отражение молча кивнуло.

А где-то глубоко-глубоко, под слоями лжи, злости и дорогого макияжа, её настоящая, испуганная девочка, которую только что навсегда заблокировала её же взрослая версия, тихо, беззвучно завывала от боли и тоски по дому.

Но Валя уже не слышала этого воя. Она слышала только звон золотой цепочки на своей лодыжке. Девушка пошла готовиться к возвращению своего принца. Нужно было успеть принять ванну, сделать маску для лица, надеть то бельё, которое он любил.

Нет одиночества страшнее, чем то, которое ты выбираешь сам, убегая от людей, готовых принять тебя любой, — в объятия того, кто принимает только твою кра

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.